

тантъ профессора. Но это мнѣніе ошибочно. У хорошихъ профессоровъ происходитъ не простая передача идей и фактовъ слушателямъ, а умственная работа всѣхъ присутствующихъ. Это въ особенности замѣчалось на лекціяхъ О. И.

Другое качество чтеній Буслаева заключалось въ умѣньѣ его вести рѣчь выпукло и образно. Онъ не скупился на тропы и фигуры, антитезы, аналогіи и параллелизмы, не чуждался изысканныхъ выраженій и вообще избѣгалъ сухого, отвлеченнаго стиля. При чтеніи лекцій, тамъ, гдѣ это было нужно, онъ дѣлалъ повторенія, поясненія, примѣчанія, комментаріи, то, что въ книгахъ ставится подъ чертой. О. И. умѣлъ постепенно вводить своихъ слушателей изъ преддверія въ глубину великаго и священнаго храма своей науки. Все, что для спеціальной монографіи было бы излишнимъ, то для студентовъ, недостаточно знакомыхъ еще съ приѣмами и методами научнаго изслѣдованія и изложенія, важнѣе главнаго догматическаго чтенія.

Слушая О. И. Буслаева не изрѣдка, не отрывочно, не изъятаго въ десятое, а не пропуская ни одной лекціи, стараясь вдумываться въ то, что онъ сказалъ, нельзя было не увлекаться предметомъ. Онъ умѣлъ удовлетворять той научной жаждѣ, которая такъ сильно ощущается въ пору университетскаго ученія. Хочется дойти, такъ сказать, до корня вещей. Читаешь книги и статьи по интересующему тебя предмету и остаешься неудовлетвореннымъ. Хочется знать философскій, обобщающій взглядъ на явленія русской словесности, какъ великаго живого организма. И вотъ именно О. И. умѣлъ своимъ чтеніемъ въ значительной степени удовлетворить научной жаждѣ. Его лекціи были критическимъ анализомъ явленій словесности и литературныхъ теорій, а не ея очеркомъ; онѣ освѣщали сущность литературнаго развитія народа и учили приѣмамъ и формамъ научнаго изслѣдованія, а также методамъ изученія научныхъ законовъ и правиламъ постановки и рѣшенія научныхъ задачъ.

Въ своихъ лекціяхъ Буслаевъ имѣлъ обыкновеніе ставить одну за другою научныя задачи и разрѣшать ихъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ мастеромъ большой руки. Какъ основательно онъ поставилъ вопросъ о происхожденіи народной поэзіи, о происхожденіи русскихъ былинъ, объ извѣстной теоріи Бенфея, о правѣ произведенія письменности назваться произведеніемъ словесности, о теоріи драмы (по Аристотелю), объ эстетикѣ въ литературѣ и мн. др. Задѣвъ за живое слушателей, О. И. предлагалъ имъ разнообразныя теоріи для рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, разбиралъ эти теоріи и въ заключеніе высказывалъ свои взгляды, подкрѣпляя ихъ вѣскими доводами и соображеніями. Когда я слушалъ Буслаева на третьемъ курсѣ, то рѣдка лекція его проходила безъ постановки задачъ, требовавшихъ для рѣшенія большой и серьезной работы...